

5. Цензурный террор и возникновение государственной библиографической регистрации (1837)

³² — Это [возникновение государственной библиографической регистрации] было одним из наиболее значительных явлений в истории русской библиографии, так как государственная власть впервые приступила к действительно полной и регулярной регистрации вновь выходящих в России произведений печати (книг и периодических изданий) на всех языках.

Официальная библиографическая регистрация в России возникла в виде «Указателя вновь выходящих книг», публиковавшегося в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1837–1855 гг. Долгое время существовали две точки зрения относительно причин возникновения этой регистрации. Первую высказал Здобнов в 1935 г.⁽¹⁾, утверждая, что «Указатель вновь выходящих книг» печатался исключительно по цензурно-полицейским соображениям — для информирования за действиями цензуры: «своевременного осведомления штатных и нештатных блюстителей благонравия печати о новых изданиях».⁽²⁾ Эта же точка зрения представлена Здобновым и в данной главе, хотя суть концепции вступает в противоречие с приведенным выше высказыванием об «Указателе вновь выходящих книг» как «наиболее значительном явлении в истории русской библиографии». Противоположное мнение высказал Н. Н. Аблов, который считал, что официальную библиографическую регистрацию в «Журнале Министерства народного просвещения» организовал редактор К. С. Сербинович, руководствуясь своими библиографическими интересами. Убедительно показав, что концепция Здобнова не опирается на документы и является произвольным построением, Аблов выдвинул версию, по которой «Указатель вновь выходящих книг», являясь детищем редактора ЖМНП Сербиновича, не имел государственного характера и даже слово «официальный» взято автором статьи в кавычки.⁽³⁾ В сноске, приведенной на последней странице данной главы, Здобнов пишет: «Кстати заметим, что статья Н. Н. Аблова <...> является результатом недоразумения и грешит множеством фактических статистических ошибок, искажает историческую правду и поэтому не принимается нами здесь во внимание». Возражения Здобнова Аблову, изложенные в нескольких работах, в том числе и в статье «Библиограф-фальсификатор»,⁽⁴⁾ опубликованы не были, тем более, что версия Здобнова, как более соответствующая установкам эпохи, несмотря на всю ее бездоказательность, была общепринятой в течение длительного времени; она воспроизводилась в книгах, статьях и в различных учебных пособиях по курсу общей библиографии. В 1957 г. в работе Л. М. Равич⁽⁵⁾ на основе изучения архивных материалов была опровергнута точка зрения Здобнова и уточнена фактография концепции Аблова.

³³ — Инициатором литературного сыска был назначенный в 1824 г. министром народного просвещения адмирал А. С. Шишков, приложивший много старания для борьбы с прогрессивной печатью. В верноподданнической записке, поданной Николаю I в январе 1826 г., он писал: ...

Здобнов цитирует высказывания А. С. Шишкова по статье Сербиновича,⁽⁶⁾ при этом заглавие статьи и саму цитату он приводит неточно (см. примеч. 08 к тексту данной главы).

³⁴ — По «чугунному» (шишковскому) уставу о цензуре 1826 г. «на попечение верховного цензурного комитета возлагается изыскание средств к изъятию из обращения в народе вредных в каком бы то ни было отношении сочинений, если бы таковые оказались в числе изданных до сего времени».

Здобнов цитирует § 37 «Устава о цензуре» 1826 г.⁽⁷⁾

³⁵ — ...в апреле 1837 г., через 5 месяцев после закрытия «Телескопа» за «Философическое письмо» Чаадаева...

Более подробно об этом см. примеч. 130 к гл. [13] «„Телескоп“ и „Молва“ Н. И. Надеждина», а также в публикации Л. и В. Саповых.⁽⁸⁾

³⁶ — ...именно в связи с этим фактом был объявлен новый цензурный закон, по которому каждая журнальная статья должна была просматриваться двумя цензорами. Кроме того, третий цензор (негласный сверхцензор) должен был перечитывать все, что разрешено другими цензорами и контролировать их, а над этой тройственной цензурой стояло еще и III Отделение со своими штатными и добровольными контролерами за печатью. Правда, названный закон 1837 г. имел в виду только периодические издания (главным образом журналы), однако распространение этого закона на книги Уваров считал лишь вопросом времени.

Речь идет не о новом цензурном законе, который в 1837 г. не вводился, а о распоряжении министра народного просвещения С. С. Уварова от 27 марта 1837 г.⁽⁹⁾

³⁷ — Вся эта система надзора за печатью и цензорами требовала в свою очередь библиографической службы. <...> Главный цензурный комитет был обязан ежемесячно составлять «общую по всем действиям цензуры меморию» и представлять ее министру народного просвещения в двух экземплярах, из которых один должен был пересылаться министром народного просвещения министру внутренних дел.

Здобнов цитирует §§ 44, 45 «Устава о цензуре» 1826 г.⁽¹⁰⁾

³⁸ — ...с 1831 г. цензурные комитеты обязаны были доставлять в III Отделение ежемесячные сведения о вышедших из печати журналах и альманахах, с указанием типографий, в которых они напечатаны.

Речь идет о предложении министра народного просвещения Московскому цензурному от 14 декабря 1831 г.⁽¹¹⁾

³⁹ — В 1833 г. Главное управление цензуры «положило за три месяца до истечения каждого года подвергать рассмотрению периодические издания...».

Речь идет о решении Главного управления цензуры, принятом на заседании 2 января 1833 г.⁽¹²⁾

⁴⁰ — Между тем, в середине 1836 г. выяснилось три новых неожиданных обстоятельства, вызвавших переполох в правительственных кругах: во-первых, тайное печатание в еврейских типографиях антиправославных книг; во-вторых, недоставка обязательных экземпляров многих книг, напечатанных в еврейских типографиях; в-третьих, огромный рост книжной продукции на еврейском языке <...> Тогда же были приняты экстренные меры для пресечения такого «злоупотребления», в том числе закрытие ряда еврейских типографий и усиление надзора за книгопечатанием на еврейском языке.

Речь идет об указе от 27 октября 1836 г., который повлек закрытие еврейских типографий и уничтожение книг.⁽¹³⁾ Действительно, подобный факт имел место: соперничество двух главных центров печатания книг — Вильно и Киева завершилось доносами самих типографов друг на друга. При ревизии выяснилось, что кроме этих официальных центров, имелся еще ряд типографий, печатавших еврейские книги, со своей собственной цензурой. Этого власти допустить не могли. Часть типографий была закрыта или укрупнена; была укрупнена и цензура.⁽¹⁴⁾ Однако ни этот факт, ни ужесточение цензурного режима, о которых говорилось выше, не послужил причиной введения «государственной» библиографической регистрации.

⁴¹ — Было еще одно обстоятельство, а именно, множественность цензур: кроме цензуры Министерства народного просвещения и духовной (церковной) цензуры, были цензуры также

при других ведомствах, не подчиненные Главному управлению цензуры, что затрудняло систематический надзор за печатью и цензорами.

Множественность цензур действительно имела место,⁽¹⁵⁾ но никакая «государственная» библиографическая регистрация избавиться от этого не могла, пока в 1865 г. не была проведена цензурная реформа. И вряд ли существование многих цензурных ведомств может рассматриваться в качестве причины возникновения официальной библиографической регистрации.

⁴² — Совокупность всех этих обстоятельств цензурно-полицейского порядка, обострившихся в 1836 г., обуславливала необходимость регулярного и своевременного осведомления многочисленных штатных и нештатных блюстителей благонравия печати о вновь выходящих изданиях на всех языках. Лучшим способом такого осведомления была централизованная библиографическая регистрация, и она введена была с января 1837 г. в форме «Указателя вновь выходящих книг», публиковавшегося в «Журнале Министерства народного просвещения», начиная с февральской книжки за этот год до середины 1855 г.

Здесь Здобнов сознательно смешивает два явления: введение централизованной библиографической регистрации и ее публикацию для всеобщего сведения. Что касается первой, то она к тому времени уже давно велась в Главном управлении цензуры Министерства народного просвещения (МНП), и сводные списки, вместе с отчетами по МНП, в конце каждого года представлялись императору. Что же касается «многочисленных штатных и нештатных» наблюдателей за цензурой, то в данном случае Здобнов, вероятно, перенес реалии сталинского времени на события столетней давности. В указанных списках (заметим, неаннотированных) речь шла о книгах, уже вышедших из печати и прошедших узкие цензурные врата. Отметим, что за 30 лет николаевского царствования было запрещено только 5 книг, и каждый раз это было из ряда вон выходящее событие. Публикуемые для всеобщего ознакомления в общедоступном журнале (в его научной части), эти цензурные списки приобретали совсем иное качество и предназначались для читателей, а отнюдь не для контроля над печатью.

⁴³ — Весьма характерно, что, приступая к столь важному в научном и культурном отношении делу, ни правительство, ни редакция «Журнала Министерства народного просвещения» не обронили ни одного слова об этом новом начинании. «Указатель вновь выходящих книг» не упоминался в программе журнала и даже косвенно не предусматривался в ней до 1839 г. <...> Государственная библиографическая регистрация введена молчаливо только потому, что правительство ставило ей не научные, а цензурно-полицейские задачи, притом такого свойства, о котором неудобно было громко говорить.

«Молчаливое» введение официальной библиографической регистрации — очередная мифология Здобнова. В своем отчете Николаю I за 1837 г. С. С. Уваров, характеризуя деятельность «Журнала Министерства народного просвещения», перечисляет «Указатель» в одном ряду с важнейшими научными достижениями. «Журнал, — пишет он, — постоянно извещал публику (здесь и далее выделено мной. — Л. Р.) о трудах Академии наук, Археологической комиссии и вообще обо всех произведениях русской современной письменности».⁽¹⁶⁾ Точно так же и редакция ЖМНП не делала тайны из «Указателя». В октябрьской книжке ЖМНП за 1838 г. в редакционной статье «Взгляд на содержание „Журнала Министерства народного просвещения“ за минувшее пятилетие» говорится: «Стараясь достигать возможной полноты в сообщаемых публике сведениях, редакция <...> представила сравнительную картину успехов обучения в России, помещала в журнале списки книг, выходящих у нас на всех языках».⁽¹⁷⁾ Заметим, что «Общие отчеты» по Министерству народного просвещения публиковались для всеобщего сведения и из них каждый мог узнать, что с 1837 г. в ЖМНП печатались списки вновь выходящих книг. А когда в 1839 г. были организованы «Прибавления» к ЖМНП, редакция объявила также о публикации «Библиографических прибавлений», которые «должны состоять из указателя всех в России выходящих книг»⁽¹⁸⁾ и куда и был перенесен из журнала этот указатель. Поэтому утверждение Здобнова о «безмолвном» появлении «Указателя вновь выходящих книг» явно несостоятельно. А поскольку и в отчетах по МНП, и в самом журнале говорилось именно о научном значении «Указателя...» — как о показателе успехов народного просвещения в России, то непонятно, из чего Здобнов сделал вывод о его «цензурно-полицейских задачах».

⁴⁴ — Через 12 лет, когда Западная Европа взметнулась революцией 1848 г., прокатившейся по разным странам, для Николая I оказалась недостаточной прежняя система цензурного террора с установленным в 1837 г. институтом тройной цензуры, и был создан знаменитый негласный Комитет 2 апреля 1848 г. для надзора за печатью, вошедший в историю под именем Бутурлинского комитета.

Вряд ли правомерна попытка Здобнова связать возникновение официальной библиографической регистрации с деятельностью функционировавшего в 1848–1855 гг. Комитета 2 апреля (Бутурлинского комитета), территориально располагавшегося в Императорской Публичной библиотеке.⁽¹⁹⁾ Это делается для создания мрачной картины цензурного террора. Действительно, во времена этого комитета, который стоял над всеми цензурами, такая картина наблюдалась, но непонятно, какое отношение это имеет к «Указателю», возникшему на 11 лет раньше. В 1850 г. Никитенко записал в своем знаменитом «Дневнике» высказывание директора канцелярии МНП В. Д. Комовского (в ведении которого находился «Указатель вновь выходящих книг») по поводу учреждения комитета: «Был вчера у В. Д. Комовского. Он тоже сильно огорчен этим новым учреждением и с жаром выражал свое негодование. „В Европе напроказят, — заметил он в заключение, — а русских бьют по спине“».⁽²⁰⁾

⁴⁵ — Учреждение Комитета 2 апреля, его библиотека и получавшиеся им ведомости вновь выходящих изданий, все это было завершением той цензурной системы, основы которой были заложены в 1837 г.

Здесь Здобновым опять допущена неточность. Никакой новой цензурной системы в 1837 г. введено не было. «Указатель вновь выходящих книг» основывался на устоявшейся практике Главного управления цензуры и ничего в ней не изменил (да и изменить не мог). Помесячные и погодные списки вновь выходящих книг, разрешенных цензурой, составлялись и ранее. Просто их не публиковали в общедоступном (хоть и официальном) журнале. Никакой связи с Бутурлинским комитетом эта акция, естественно, не имела. Более того, как раз в годы засилья этого комитета (примерно с 1850 г.) «Указатель...» начинает запаздывать, выходит все менее регулярно по причине чисто субъективной — в 1851 г. умер Комовский, организатор этой библиографической регистрации, а сменивший его на посту директора канцелярии министерства В. И. Кузнецов не обратил на «Указатель...» должного внимания.⁽²¹⁾

⁴⁶ — ...официальных и неофициальных наблюдателей за действиями цензуры и за обращением книг, изданных с ее разрешения, в эпоху цензурного террора было много. Всем им нужна была полная и точная информация о вновь выходящих изданиях, и государственная библиографическая регистрация давала такую информацию, выполняя тем самым основную задачу, поставленную перед нею правительством. Поэтому понятно, что ее задачи не были оглашены в печати: оглашение их не входило в планы Николая I, Бенкендорфа и цензурного ведомства. Последнее к тому же и не было хозяином этого дела: государственная библиографическая регистрация возникла и существовала вне цензурного ведомства, независимо от него, над ним, как равно и над другими цензурами. Материалы ее публиковались в «Журнале Министерства народного просвещения» по таким же соображениям, по каким секретная библиотека Комитета 2 апреля прикрывалась адресом Публичной библиотеки.

В 1828 г. было создано Главное управление цензуры (ГУЦ), правителем дел этого учреждения назначен В. Д. Комовский;⁽²²⁾ с 1833 г. он одновременно служил библиотекарем Публичной библиотеки, а в начале 1838 г. был назначен директором канцелярии Министерства народного просвещения. В 1830 г. в журнале М. П. Погодина «Московский вестник» Комовский напечатал «Список всех книг, вышедших в России в 1829 году», который Здобнов назвал «замечательным по полноте и точности». Именно по образцу этого списка и составлялся в дальнейшем «Указатель вновь выходящих книг». Что касается цензурных списков книг, вышедших из печати, то раз в год они составлялись ГУЦ в двух экземплярах, один из которых оставался в делах Министерства народного просвещения, при котором и существовало Главное управление цензуры. Это так называемые «отчеты по цензуре». Правительству, если бы оно добивалось контроля над цензурными ведомствами через некий мифический «сверхцензурный аппарат», не было бы никакой надобности публиковать эти списки для всеобщего обозрения в общедоступном журнале. В своем стремлении связать библиографию в ЖМНП

с полицейским сыском Здобнов не знает меры. И «Указатель вновь выходящих книг», и тем более «Обозрения газет и журналов» и «Обозрения книг», которые, как показано в комментариях к предыдущей главе, составлялись, как правило, молодыми учеными, настолько были далеки от какого бы то ни было надзора за печатью, что это даже не требует опровержения.

⁴⁷ — В каком именно учреждении составлялся «Указатель вновь выходящих книг», это до сих пор не установлено; можно предполагать, что он составлялся в Публичной библиотеке, которая получала обязательный экземпляр и могла обеспечить как полноту, так и вневедомственную (в цензурном отношении) нейтральность регистрации. Также нет никаких сведений и о составителях «Указателя», которые, судя по обработке материала, были далеко не заурядными библиографами и в нормальных условиях не скрыли бы своего имени, так как составление такого указателя непрерывно в течение 18½ лет делало им большую честь, давало им почетное место в истории русской библиографии. Только секретным происхождением «Указателя» (в течение всего периода его существования) можно объяснить, что его составители обрекли себя на неизвестность.

М. В. Сокурова, работая над трудом «Общие библиографии русских книг гражданской печати» и обратившись к архивным документам, установила, что «Указатель...» составлялся вовсе не в каком-то таинственном учреждении, а в канцелярии министра народного просвещения силами ее чиновников.⁽²³⁾ Таким образом, еще одна мифологема Здобнова не нашла подтверждения. Удивляет только то, что Сокурова не сделала из своего открытия никаких выводов и присоединилась к концепции Здобнова. Ей также удалось установить, что, например, в 1853 г. ответственным за подготовку «Указателя...» был некий Галов, занимавший ничтожную должность помощника секретаря. И, действительно, «Указатель...» составлялся случайными людьми — теми чиновниками, кто в данный момент числился «по особым поручениям», т. е. мог быть употреблен для этой работы. Была разработана четкая инструкция (автор — Комовский), даны образцы несложных описаний, и с этим нехитрым делом мог справиться любой грамотный человек. Хуже обстояло дело с классификацией. Вот тут «незаурядные библиографы» частенько допускали нечеткость и произвол.⁽²⁴⁾ Но ни о каком умышленном «сокрытии имен» здесь не может быть и речи.

⁴⁸ — ...«Указатель» имел в глазах правительства далеко не научные задачи. Он особенно был не к лицу в самом журнале, поскольку производил впечатление антиправославного и антинародного, вследствие усиленного внимания сверхцензурных органов к наиболее подозрительной литературе.

Такой «подозрительной» книжной продукцией, по мнению Здобнова, правительство считало литературу на еврейском языке и книги протестантского и католического содержания, которые, как полагает автор «Истории...», потому и регистрировались ежемесячно, что они вызывали наибольшее подозрение. В то же время литература православного характера, изданная Синодом и другими церковными учреждениями, давалась в «Указателе...» лишь раз в год в виде сводных списков. Однако обращение к специальной литературе развеивает подобные представления. Цензура книг «инославных» исповеданий находилась в ведении гражданских властей. На эти книги распространялись законы о цензуре и доставке обязательного экземпляра в такой же мере, как и на литературу светского содержания. Поэтому они и отражались в списках Главного управления цензуры, являвшихся основным источником для составления «Указателя вновь выходящих книг». Литература же православного характера цензуре МНП не подлежала и в списки ГУЦ не попадала. Сведения о ней можно было получить лишь с согласия Синода.⁽²⁵⁾ Характерно, что составитель первого в России сводного годового указателя за 1829 год Комовский писал Языковым: «Совет ваш о пополнении списка книг едва ли можно исполнить. Как требовать книг 1. от духовной цензуры, 2. от Академии наук? <...> Я постараюсь собрать сведения частным образом».⁽²⁶⁾ Очевидно, появление в «Указателе вновь выходящих книг» годовых списков православной литературы объяснялось содействием Сербиновича, который служил в канцелярии обер-прокурора Синода. Что же касается еврейских книг, то, например, в списке 1829 года, составленном Комовским, они также выделены в специальный отдел: такова была практика Главного управления цензуры и никаких идеологических выводов из этого делать не следует. Ведь списку Комовского Здобнов

не придавал ни малейшего «цензурно-полицейского» значения, хоть он происходил из того же источника, что и «Указатель вновь выходящих книг». Недаром Комовский в цитированном выше письме приравнивает издания Синода и Академии наук. Ни те, ни другие не подлежали общей цензуре, и их издания, естественно, не отражались в отчетах ГУЦ, поэтому сведения о них надо было добывать частным образом. Впоследствии, когда Комовский стал директором канцелярии МНП, ему это удавалось. Таким образом, мы видим, что «отбор» литературы для раздела «Богословие» был обусловлен не той или иной степенью благонадежности этой продукции, а сложной иерархией, царившей в цензурных учреждениях, и ограниченными возможностями Главного управления цензуры Министерства народного просвещения. Это положение полностью распространяется и на списки книг, изданных в Царстве Польском. Множественность цензур николаевского времени — общеизвестный факт, который подтверждает и сам Здобнов. Этот вопрос неоднократно освещался в специальной литературе; отсюда и те особенности в «отборе» книг для «Указателя вновь выходящих книг», которые неправомерно истолкованы Здобновым в духе идеологии 1930-х гг.

⁴⁹ — *Едва успели похоронить Николая I (4 марта 1855 г.), как либеральный цензор А. В. Никитенко 20 марта получил предложение министра народного просвещения «заняться инструкцией цензорам» <...> В соответствии с поручением министра Никитенко написал либеральную «Записку» о цензуре и разработал инструкцию цензорам <...> Из дневника Никитенко известно, что тогда же официально был поставлен вопрос о разгоне николаевских цензоров как невежественных и не удовлетворяющих новым требованиям заигрывания с либеральной интеллигенцией.*

О деятельности А. В. Никитенко в цензурном ведомстве в 1855 г. см. в статье В. Г. Березиной.⁽²⁷⁾

⁵⁰ — *...государственную библиографическую регистрацию в «Журнале Министерства народного просвещения» прекратил Никитенко. Это кажется странным: Никитенко был не только цензор, но и профессор словесности, тесно связанный с литературным и научным миром, и, казалось бы, он больше других должен был понимать научное значение государственной библиографической регистрации и поддерживать ее. Но в то же время <...> он привык смотреть на «Указатель вновь выходящих книг» глазами не профессора, а цензора. В указателе он видел только полицейско-цензурное орудие. И понятно, что <...> Никитенко поспешил изгнать из журнала «Указатель вновь выходящих книг». Это было тем более удобно, что в то время распался тот сверхцензурный аппарат, в котором составлялся «Указатель».*

Уже из разысканий Сокуровой выяснилось, что никакого «сверхцензурного аппарата» не существовало. «Указатель...» составлялся в канцелярии Министерства народного просвещения, которая, естественно, продолжала функционировать и при Никитенко, и вообще до 1917 г., не говоря уже о том, что над правительственным «цензурно-полицейским орудием», каковым Здобнов пытался представить «Указатель вновь выходящих книг», никакой редактор журнала не был властен и отменить его не смог бы. Свою позицию Никитенко объясняет сам. По его мнению, библиографический отдел журнала «должен говорить только о книгах замечательных, а не о всяком сборе. <...> Преимущественное внимание должно быть обращено на полноту перечисления дельных специальных книг. <...> Краткость и дельность указаний на содержание книги — вот цель библиографии в „Журнале Министерства народного просвещения“».⁽²⁸⁾ Таким образом, профессор русской словесности Никитенко попросту не понимал значения полной библиографической регистрации. Приходится признать, что автор знаменитого «Дневника», считавший себя либералом, оказался более ограниченным, чем «цепной пес самодержавия» Сербинович. Когда после смерти Комовского в 1851 г. «Указатель...» стал выходить нерегулярно, Сербинович забил тревогу и добился исправления этого положения (что, кстати, еще раз доказывает, что никакого государственного характера это издание не имело и зависело от случайных обстоятельств). Как известно, «Указатель...» выходил по 1855 г.

⁵¹ — *В свое время «Указатель вновь выходящих книг» прошел незамеченным. <...> Между тем, в этом «Указателе» книжная продукция России регистрировалась с исключительной полнотой и точностью, как ни в одном из позднейших органов государственной библиографи-*

ческой регистрации, притом ни одно другое библиографическое издание, современное «Указателю», как равно и позднейшие, ни в какой мере до сих пор не может заменить его. В этом его не только большое историческое, но и оперативное значение для наших дней.

Возникает неизбежный вопрос, как возник этот замечательный указатель, в течение 18 лет аккуратно регистрировавший российскую книжную продукцию. Итак, известно, что он составлялся в канцелярии Министерства народного просвещения, директором которой в те годы был В. Д. Комовский, автор первого годового сводного указателя книг (за 1829 год). Литература о Комовском чрезвычайно скудна; в сущности, это только заметки в словарях и энциклопедиях и беглые упоминания в мемуарах современников. Но существует громадная, прекрасно сохранившаяся неопубликованная переписка Комовского с братьями А. М. и П. М. Языковыми, в особенности, со старшим — Александром, хранящаяся в Рукописном отделе ИРЛИ. После ее изучения выяснилось, что к библиографической деятельности Комовский обратился благодаря энергичным настояниям А. М. Языкова. Постоянными напоминаниями, просьбами, советами Языков побудил Комовского использовать свое положение начальника Главного управления цензуры для создания полной библиографической регистрации, которая должна была служить историко-культурным задачам в российском обществе. Так, из их переписки стало известно, что Комовский составил не дошедший до нашего времени сводный список русских книг за 1829–1833 гг. Когда министром народного просвещения был назначен С. С. Уваров, Комовский постарался склонить министра к публикации библиографических списков ГУЦ для всеобщего обозрения. Осуществлению замыслов Комовского и Языкова способствовало то обстоятельство, что первый с конца 1836 г. фактически исполнял обязанности директора канцелярии министерства (официально же он был назначен на эту должность в 1838 г.) и мог без излишних хлопот организовать штат чиновников, который составлял «Указатель...». Была предложена схема классификации и образцы описаний. А так как в канцелярии МНП служили, как правило, выпускники Лицея или Университета, то для них не представляло трудности усвоить основные правила. Бросается в глаза несхожесть классификации, принятой в «Указателе вновь выходящих книг», со всеми известными в то время русскими классификациями. Она разительно отличается как от схем А. Н. Оленина, В. Г. Анастасевича, П. Г. Демидова, так и от схем печатавшихся в том же «Журнале Министерства народного просвещения» «Обозрений газет и журналов» (что само по себе весьма любопытно). Только одна русская классификация того времени схожа с принятой в «Указателе...». Это — схема «Списка всех книг, вышедших в России в 1829 году» Комовского. В сущности, классификация «Указателя...» — расширенный вариант схемы, использованной в «Списке...». Однажды приняв эту схему для своих библиографических работ, Комовский остался верен ей и перенес ее в «Указатель вновь выходящих книг».⁽²⁹⁾

В 1851 г. Комовский умер, и в судьбе организованного им «Указателя...» произошли значительные перемены. С 1852 г. существенно меняется классификация книг; на первое место выносятся не азбуки и филология, как это было при Комовском, а привычное богословие со следующими за ним философией и политическими науками. «Указатель...» составлялся все более небрежно и запаздывал иной раз на несколько месяцев. Сохранилось письмо редактора ЖМНП Сербиновича к В. И. Кузнецову, сменившему Комовского на посту директора канцелярии министерства. «По утвержденному начальством плану журнала Министерства, — пишет Сербинович, — в Прибавлениях к нему помещается Указатель выходящих в России и Царстве Польском книг. Этот Указатель получается редакцией из канцелярии Министра и прежде доставлялся своевременно, так что при каждой книжке журнала можно было помещать указатель книг, вышедших в свет в истекшем месяце. А теперь это делается так поздно, что Указатель книг за Генварь и Февраль пришлось поместить при июньской книжке, и по той же причине следующие к журналу 1852 года прибавления с указателями выходящих в свет книг могли быть заключены не прежде половины текущего года. Оттого и переплетаемый для Государя экземпляр журнала не мог быть приготовлен прежде».⁽³⁰⁾ Услышав слово «Государь», Кузнецов, естественно, испугался и потребовал объяснений у своих подчиненных. В это время делами «Указателя...» ведал помощник секретаря Галов, представивший

довольно невнятные оправдания. Однако любопытным представляется тот факт, что новый директор канцелярии не знал о составлявшемся в недрах его отдела указателе. Понадобилось вмешательство педантичного Сербиновича, чтобы ему об этом стало известно. Между тем, Кузнецов как член созданного при министре П. А. Ширинском-Шихматове, сменившем не угодившего императору С. С. Уварова, Особого комитета по надзору за печатью и цензурой, не мог бы не знать об «Указателе вновь выходящих книг», если бы тот составлялся в целях надзора за печатью. Одного этого факта, не говоря уже о других, приведенных выше, достаточно для того, чтобы развеять миф об «Указателе вновь выходящих книг» как о некоем «сверхцензурном» органе.

Таким образом, «Указатель вновь выходящих книг» возник по инициативе либеральной русской интеллигенции, прекрасно понимавшей культурное значение регулярной библиографической информации. Дату возникновения этого мероприятия — 1837 год — можно считать в определенной мере условной. Текущая регистрация произведений печати велась Комовским с 1829 г., и только полное непонимание роли библиографии царскими чиновниками помешало ее своевременному опубликованию. Как только служебное положение Комовского позволило ему провести в жизнь свою идею, появилась «государственная» библиографическая регистрация. Перед нами весьма интересный, еще не до конца осмысленный факт — перерастание официальных цензурных списков в факт культуры.

В свое время концепция, изложенная в 1957 г. в статье Равич, встретила яростное сопротивление последователей Здобнова. Материал этот не был допущен в учебники по общему курсу библиографии. В наши дни после появления нескольких уже упоминавшихся здесь работ по вопросам возникновения официальной библиографической регистрации в России о роли Комовского в ее создании говорится как о чем-то само собой разумеющемся. Так, в труде Б. А. Семеновкера «Государственная библиография России. XVIII–XX вв.» Комовский получает титул «отца-основателя» государственной библиографии, но вместе с ним к «отцам» причислены также Сербинович и Уваров,⁽³¹⁾ роль которых, особенно последнего, совершенно несопоставима с ролью Комовского. Уж если и говорить об инициаторах создания официальной библиографической регистрации, то рядом с именем Василия Дмитриевича Комовского следует назвать имя Александра Михайловича Языкова.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Здобнов Н. В. Государственная библиографическая регистрация при царизме // Сов. библиогр. 1935. Вып. 4 (12). С. 75–84.

(2) Там же. С. 80.

(3) Аблов Н. Н. К столетию первой попытки «официальной» регистрации произведений печати в России (1837–1855) // Сов. библиогр. 1937. Вып. 1. С. 95–108.

(4) АКБ БАН. Ф. 1 (Н. В. Здобнов). Оп. 1. Ед. хр. 2. 26 л.

(5) Равич Л. М. Из истории государственной регистрации произведений печати в дореволюционной России // Труды / Ленингр. гос. библ. ин-т. Л., 1957. Т. 3. С. 207–225.

(6) Сербинович К. С. Александр Семенович Шишков и две всеподданнейшие его записки // Рус. старина. 1896, сент. С. 578.

(7) Устав о цензуре. СПб., 1826. С. 15.

(8) Дело о запрещении журнала «Телескоп»: (новые документы о П. Я. Чаадаеве) / публ. Л. Саповой, В. Сапова // Вопр. лит. 1995. № 1. С. 113–153; № 2. С. 76–110.

(9) См.: Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 499.

(10) См.: Устав о цензуре. СПб., 1826. С. 17.

(11) См.: Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 220.

(12) РГИА. Ф. 772. Оп. 1, ч. 1. Ед. хр. 88. Л. 6.

(13) См.: Эльяшевич Д. А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917: очерки истории цензуры. СПб.; Иерусалим, 1999. С. 125–184.

(14) См.: Аграновский Г. Становление еврейского книгопечатания в Литве / Гос. еврейск. музей в Литве, Еврейск. музей в Москве. [Вильнюс]; Москва; Иерусалим, 1993. 38, [9] с. ил., факсим.

(15) См.: Соловьев П. К. Ведомственная цензура в России при Николае I // Вопр. истории. 2004. № 7. С. 139–145.

(16) Общий отчет, представленный его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1837 год. СПб., 1838. С. 139.

(17) ЖМНП. 1838. Ч. 20, № 10. С. 4.

- (18) Там же. С. 22.
- (19) См.: История Комитета 2 апреля 1848 года в документах / публ. Н. А. Гринченко // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 224–246.
- (20) *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. С. 336 (11 апреля 1850 г.).
- (21) См.: *Равич Л. М.* Из истории государственной регистрации... С. 222.
- (22) О нем см.: *Равич Л. М.* 1) Комовский Василий Дмитриевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры / РНБ. СПб., 1995. Т. 1. С. 270–273; 2) Судьба Василия Комовского: из истории российского инакомыслия // Звезда. 1996. № 6. С. 160–176; 3) «Вам будет честь и слава»: (В. Д. Комовский как библиограф) // Библиография. 1998. № 4. С. 106–116.
- (23) *Сокурова М. В.* Общие библиографии русских книг гражданской печати. Л., 1956. С. 114–117.
- (24) Примеры см. в статье: *Равич Л. М.* Из истории государственной регистрации... С. 218.
- (25) См.: *Котович А.* Духовная цензура в России (1799–1855). СПб. : Тип. «Родник», 1909. [4], XVI, 608, XIII с.
- (26) Цит. по: *Равич Л. М.* Из истории государственной регистрации... С. 222.
- (27) *Березина В. Г.* Цензор о цензуре. (А. В. Никитенко и его «Дневник») // Рус. лит. 1996. № 1. С. 159–174.
- (28) *Никитенко А. В.* Мысли о программе «Журнала Министерства народного просвещения» // РО ИРЛИ. Фонд 205 (А. В. Никитенко). Ед. хр. 18149. Л. 3–7. (Частично опубликовано в указанной выше статье Л. М. Равич).
- (29) См.: *Равич Л. М.* Судьба Василия Комовского... С. 160–176.
- (30) Цит. по: *Равич Л. М.* Из истории государственной регистрации... С. 222.
- (31) *Семеновкер Б. А.* Государственная библиография России, XVIII–XX вв. Петербургский период. Вып. 1. 1710 – июнь 1907. М. : Пашков дом, 2002. С. 98.